
ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА

**БОРИС
АКУНИН**

КНЯЗЬ
КЛЮКВА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А44

*Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.*

*Серия «История Российского государства»
издается с 2013 года*

Оформление переплета — *Екатерина Фerez*

Иллюстрации *Игоря Сакурова, Михаила Душина*

Акунин, Борис

А44 Князь Клюква. Плевок дьявола: [повести] / Борис Акунин. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 288 с.: ил. — (История Российского государства).

ISBN 978-5-17-104161-8

«...Но Господь судил иначе. Взял отрока робкого, в себя не веящего, ни к какому делу непригодного, за шкирку, будто котенка. Швырнул в стремнину. Можешь — плыви. Не можешь — тони...»

Начало XIII века. Русь раздроблена и слаба. Для Ингваря власть — тяжелая ноша, а долг перед подданными его небогатого княжества требует работать усердно, не зная отдыха. Вот уже и люди начали сводить концы с концами, и хрупкий мир с опасными соседями-половцами держится, и правитель наконец осмеливается поверить в скорое счастье. Но что будет, если человек, на плечо которого Ингварь вправе рассчитывать, не сможет пройти искушение властью?

В книгу вошли повести «Плевок дьявола» и «Князь Клюква», являющиеся частью проекта Бориса Акунина «История Российского государства в романах и повестях».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

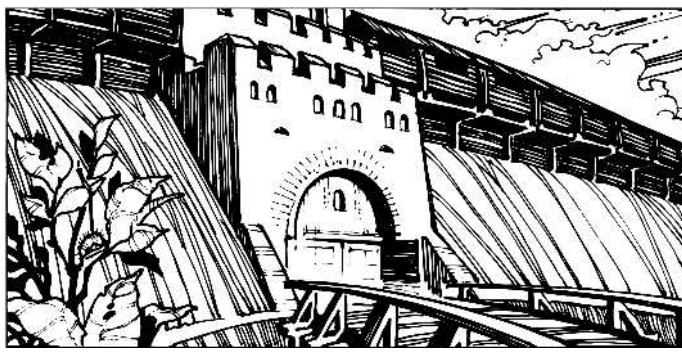
© В. Akunin, автор, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

A decorative flourish consisting of several overlapping, flowing lines that form a central frame around the title. The lines are black and white, creating a sense of movement and elegance.

ПЛЕВОК ДЪВО.ІА

Повестъ

АГАФОДОР

С днепровских порогов, некогда кишевших разбойниками, а ныне всего лишь досадно замедлявших путь, в столицу великого архонта Ярославоса отправили гонца, так что в Киеве императорского посла уже ждали и подготовились, как подобает. Прикрыв ладонью лоб от яркого майского солнца, Агафодор разглядел церемониальный караул — большой отряд всадников в сверкающих доспехах. Подплыли ближе — рассмотрел и парадный экипаж: повозку с парчовым балдахином, запряженную восьмеркой огромных быков. Принимающая сторона знала все тонкости протокола — в знак почтения к духовному званию посланника быки были не белой масти, а черной. Искорками вспыхивали посеребренные рога.

Убедившись, что русские приготовились как должно и ущерб ромейской чести не будет, Агафодор спустился в трюм, чтобы не торчать на палубе, не ронять престижа. Хоть до нарядной повозки по причалу надо было пройти не больше тридцати шагов, достоинство не позволяло послу преодолеть это расстояние пешком. Матросы собирали на палубе лектику, золоченый паланкин, увенчанный двуглавым византийским орлом. На лиловых шторах было выткано изображение трилистника. Цвет обозначал епископский сан Агафодора, трилистник — придворный ранг протопродра. Поверх бархатной мантии, в знак своей двойной значительности, высокий гость повесил рядом финифтяной архиерейский крест и цепь с ярлыком императорского посланника.

Корабль с мягким хрустом стукнулся бортом о причал, покачался, встал. Тогда Агафодор, медленный и торжественный, выплыл из недр диремы по лестнице на палубу — и насупился. Проклятые бездельники всё еще возились с носилками. Пятиться назад было невместно. С берега епископа, конечно, уже заметили. Поэтому он остановился, торжественно осенил крестным знаменем берег, а потом сложил ладони и слегка опустил голову, как бы молясь. Веки благоче-

ство приопустил, но черные глаза из-под ресниц непраздно постреливали по сторонам, приглядывались. От многого чтения Агафодор с возрастом стал вблизи видеть неважно, зато даль прозирал лучше, чем в молодости. Даже усмотрел, что запряженные в повозку быки холощенные, и на миг сдвинул брови (не насмешка ли), но тут же успокоил себя: нет, просто волы покойнее, да и откуда русам знать?

Облик у епископа-протопроедра был величественный, а пожалуй что и прекрасный: тонкое лицо значительно, бело, неморщинисто, густые брови черны, длинная борода же, наоборот, безукоризненно седа. Чувствуя устремленные на него взгляды, Агафодор поднял очи к холму и жестом, полным сдержанного изящества, перекрестил город Киев.

Русская столица оказалась больше и пышней, чем можно было заключить из описаний. Не только возвышенность, но и вся местность вокруг нее были застроены домами, купеческими дворами, складами. В опояс холма тянулся неприступно высокий земляной вал, утыканный частоколом из таких огромных сосен, каких епископу у себя на родине видеть не доводилось. Близко друг к дружке, будто толкаясь плечами, стояли могучие башни, а одна, сдвоенная, охраняла ги-

гантские ворота, распахнутые створки которых пылали нестерпимо ярким сиянием.

За спиной посла один вэринг из охраны сказал другому:

— Смотри, у конунга Ярицлейва ворота чистого золота. Верно говорят, что на земле нет государя богаче.

— Наши, кто служит у русов, довольны, — ответил товарищ. — Может, и нам наняться?

Агафодор знал множество языков, одарило его Провидение этим полезным даром, однако же без необходимости своих знаний не выказывал, ибо умный человек предпочитает выглядеть невежественней, чем есть на самом деле. Но тут, взволнованный и расстроенный величием русской столицы, не сдержался.

— Ворота не золотые, а медные, — сказал он, полуобернувшись, своим высоким, красивым голосом, которым, бывало, так умилительно выводил с амвона «Трисвятое песнопение» или «Песнь херувимскую». — Не всё золото, что блестит, дети мои.

Вэринги — косматые, увешанные оружием, каждый вдвое шире худощавого епископа — хлопали поросячьими ресницами. Агафодор мысленно обругал себя: разболтают остальным, и теперь охрана будет таиться. Не узнаешь, что у

дикарей на уме. Еще вправду перейдут на службу к русским — сраму не оберешься.

Лектика наконец была готова. Слуги, почтительно придерживая посла под локти, усадили его на мягкие подушки. Паланкин, слегка качнувшись, вознесся вверх. Поплыл по трапу на пристань.

Раздвинув занавески, Агафодор благословил собравшихся на берегу зевак. Их, увы, было не

столь много. Скверный знак. Прибытие имперского посольства для киевлян не бог весть какое событие?

Зато все собравшиеся закрестились в ответ, а многие и поклонились. Согласно донесениям русского клира, в славянских лесах еще полно язычников, однако же столичные жители, кажется, сплошь христиане. Отрадно.

Возле экипажа, позади которого стройной шеренгой выстроился почетный караул кольчужных конников (молодец к молодцу — не хуже кесаревых схолариев), стояли двое: один седой, клинобородый, в рясе, с посохом, другой средних лет, одетый по константинопольскому придворному этикету, но с бритым подбородком — значит, рус. Первый, должно быть, хорепископос Еразм, временный блюститель киевской кафедры. Второй — чиновник, ведающий приемом послов. На него-то Агафодор и воззрится со всем возможным вниманием. Тут очень важно, какого ранга служитель встречает и как себя поведет. По этому можно определить, насколько расположен архонт Ярославос к гостю, а стало быть, успешной ли будет непростая миссия.

Официальной причиной посольства было извещение о смерти императрицы Зои и объявление, что отныне базилевс Константин Мономах

становится автократом, то есть будет править империей единолично. На самом же деле опытного дипломата отправили в Киев с трудным заданием отговорить великого архонта от притязаний на автокефальность. Главу своей церкви, митрополита киевского, русы всегда получали из Константинополя, по воле патриарха. Однако после того, как в прошлом году умер киевский предстоятель Феопемпт, Ярославос заявил, что русские епископы отныне желают выбирать митрополита сами. Попросту отказать было нельзя. Обойдутся без позволения, и ничего с этим не поделаешь. Однако и согласиться в нынешних обстоятельствах невозможно. Это станет тяжким ударом по авторитету патриархии, которая ныне и без того переживает ужасные времена. Вот-вот оформится окончательный разрыв с папским престолом, Христова церковь расколется на восточную и западную. Выход богатой и сильной русской державы из константинопольского управления вызовет в стане римских раскольников ликование. Поди, немедля пришлют посольство звать русов под эгиду Святейшего Престола. Посулят и автономию, и прочие привилегии. Ярославосу что? Земные potentаты в тонкости церковных споров не вникают. На чем творить евхаристию — на облатках или опресноках, да

как именно чтить Деву Марию, да из чаши ли причащаться, это киевскому князю, пожалуй, все равно. Ради того, чтобы заполучить такой куш, римские схизматики разрешат служить в здешних церквах не на латыни, а на славянском. И глава здешней церкви может счесть, что зваться кардиналом не хуже, чем митрополитом...

В прежние времена базилевс мог бы пригрозить Киеву прекращением торговли, а то и военными карами. Но те времена, увы, миновали. Русы теперь возят товары на Запад и на Восток не только через Константинополь, но и напрямую. А лишаться русского импорта — себе дороже. Всякий мало-мальски зажиточный европеец непременно носит меха, иначе зазорно. Все соболя и куницы, основная часть бобров идут из владений Ярославова. Отказаться от барышей, которые дает перепродажа пушного товара венецианцам, — разорение для константинопольского рынка. Еще важнее русский воск. Без свечей померкнет свет в богатых домах, угаснет божественное сияние церквей, погрузятся во мрак монастыри.

И военной силы, чтобы приструнить непокорных, тоже нет. За четверть века, миновавшие после смерти Василия Великого, империя пришла в упадок. Бунты, позорные скандалы, казно-

крадство, неурожаи истощили былую мощь Византии. Попробуй-ка, потолкуй с Киевом на языке ультиматумов. Пожалуй, заявятся под самые стены Константинополя, как семь лет назад. Тогда, благодарение Всевышнему, морская буря выручила, и флот еще не весь сгнил. А ныне? Боевые корабли вышли из годности, солдаты от безденежья разбрелись... Эх, великая империя, куда катишься?

Нет больше свирепых пачинакитов-печенегов, которых всегда можно было натравить на русов. Ярославос нанес им такое сокрушительное поражение, что степные орды разбежались кто на закат, кто на восход. Целый век, или даже больше, черной тучей нависали кочевники над киевскими рубежами — и сгнули. Днепровские пороги свободны, пограничные крепости русов стоят пустые, войску занять себя нечем. Очень нехорошо это, когда у соседа большое войско, которому нечем себя занять. Нет, пугать великого архонта применением силы было никак нельзя.

Однако, когда с оппонентом не получается говорить языком грозным, есть способ почти столь же действенный — язык выгоды.

Посол прибыл не с пустыми руками. Было у него в запасе средство, с помощью которого мож-